

DOI 10.35775/PSI.2025.129.12.037

УДК 32.327

АЛЬ-ХАФАДЖИ ХАМЗА ХУСНИ МУХАММЕД АЛИ

аспирант, Казанский федеральный университет,

Россия, г. Казань

E-mail: Hamzaalkhafaji@yandex.ru

**РОССИЙСКО-ИРАКСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Статья посвящена анализу факторов, определяющих развитие энергетических связей между Россией и Ираком в условиях меняющихся политических и экономических условий. Актуальность темы связана с тем, что энергетический сектор Ирака переживает период модернизации, в котором непосредственное участие принимают российские компании. Целью работы стало выявление особенностей сотрудничества в нефтегазовой отрасли и оценка его перспектив с учетом внутренних ограничений Ирака и внешних рисков, влияющих на работу добывающих проектов. В задачи исследования входило изучение практики российских компаний на месторождениях Бадра и Западная Курна-2, анализ механизмов согласования параметров добычи через формат ОПЕК+ и рассмотрение шагов Ирака по подготовке к созданию атомной энергетики. Методы включали сопоставление производственных показателей, оценку инфраструктурных решений и анализ официальных заявлений и практических шагов сторон. Полученные результаты показывают, что российское участие опирается на совокупность производственных, технических и организационных элементов, которые укрепляют сотрудничество и обеспечивают достижение плановых объемов добычи. Выявлено, что интерес Ирака к атомной энергетике формируется под воздействием внутреннего дефицита электроэнергии, а подготовительный этап открывает возможности для дальнейших совместных проектов. Сделан вывод о том, что сотрудничество развивается в нескольких направлениях, включая добычу, переработку, инфраструктурное развитие и подготовку нормативной базы для новых форм энергетического сотрудничества, что создает основу для долгосрочных инициатив.

Ключевые слова: Россия, Ирак, нефтегазовый сектор, Бадра, Западная Курна-2, ОПЕК+, энергетическая инфраструктура, попутный газ, АЭС, экспортные поставки.

Ирак располагает одной из крупнейших нефтяных ресурсных баз в мире, входя в пятерку государств с максимальными подтвержденными запасами. Объем залежей достигает приблизительно 145 млрд баррелей, что составляет около 9,25% мировых резервов. По масштабам ресурсов страна уступает лишь Венесуэле, Саудовской Аравии, Канаде и Ирану, что формирует основу ее участия в международной торговле энергоресурсами. При таком объеме сырьевой базы среднесуточная добыча в 2024 году оставалась на уровне около 3,862 млн баррелей. Несмотря на участие в механизмах ОПЕК+, Ирак предпочел удерживать добычу без дополнительных сокращений, аргументируя позицию длительным

снижением производства на протяжении предыдущего десятилетия и потребностью в бюджетных поступлениях после затянувшейся внутренней нестабильности. Поддержание добычи рассматривалось в качестве условия сохранения экспортных потоков, обеспечивающих приток средств, необходимых для функционирования экономики и восстановления инфраструктуры [10].

Газовый сектор характеризуется схожей ресурсной обеспеченностью, но его фактическое использование остается ограниченным. Подтвержденные запасы оцениваются примерно в 3,714 трлн кубических метров, в то время как добыча в 2024 году достигла лишь около 11,073 млрд кубических метров. Сравнение степени обеспеченности и реальных объемов добычи показывает низкий уровень вовлеченности газовых ресурсов в хозяйственный оборот, что связано с технологическими ограничениями, разрушенной инфраструктурой и недостаточной модернизацией перерабатывающего комплекса [10].

Бюджетные показатели показывают важность экспортного сектора для финансовой системы страны. В первой половине 2024 года доходы достигли около 58,8 трлн иракских динаров, что эквивалентно приблизительно 45,2 млрд долларов. Поступления превысили уровень первой половины 2023 года, оценивавшийся более чем в 44 млрд долларов. В январе – июне 2024 года на внешние рынки было направлено около 618 млн баррелей нефти, что обеспечило стабильность экспортных потоков и дало возможность поддержать бюджет.

Развитие нефтегазовой отрасли после длительных периодов кризисов стало возможным благодаря участию иностранных компаний, обеспечивающих инвестиции, технологическое сопровождение и управленческие решения. Сотрудничество с зарубежными операторами создает условия для восстановления мощности добывающей инфраструктуры, повышения эффективности разработки месторождений и расширения экспортной базы [6].

Российское присутствие в нефтегазовой отрасли Ирака развивалось постепенно, и сегодня оно проявляется в участии крупных компаний в нескольких проектах, охватывающих действующие месторождения и перспективные зоны разведки. Сильнее всего развивается направление, связанное с освоением крупных нефтеносных участков на юге страны, в которых сосредоточена большая часть ресурсной базы. В рамках сотрудничества с международными партнерами российские операторы получили доступ к объектам, чья ресурсная оценка исчисляется десятками миллиардов баррелей. Второй блок Западной Курны, перешедший под управление «Лукойла», содержит около 12 млрд баррелей запасов, причем в структуре участия проекта присутствовала и норвежская Statoil с долей 15% [5. С. 178].

Параллельно развивались проекты, в которых работали международные консорциумы. Участок Маджнун был передан под управление Royal Dutch Shell и Petronas, а его географическое расположение у ирано-иракской границы придавало ему стратегическое значение. Запасы участка оценивались в пределах 12 млрд баррелей, а расчетная эксплуатационная мощность устанавливалась на уровне около 1,8 млн баррелей в сутки. Еще одним важным объектом стало

месторождение Бадра, освоение которого осуществляли «Газпромнефть», ТРАО, Kogas и Petronas. Здесь производство достигло примерно 180 тыс. баррелей в сутки, что помогло вывести объект в число стабильных поставщиков нефти для экспортных операций.

Появление российских компаний в нефтегазовом комплексе Ирака связано с долгосрочными задачами России в сфере экономической безопасности. «Газпромнефть», «Башнефть» и «Лукойл» участвуют в различных этапах разработки ресурсной базы, а «Роснефть» проявляет интерес к включению в проекты, ориентированные на освоение углеводородных блоков на востоке страны. В нескольких регионах проводятся геологоразведочные работы, расширяющие потенциал сотрудничества. Проект Бадра, оператором которого назначена «Газпромнефть», вступил в стадию промышленной эксплуатации в конце мая 2014 года. Уже к сентябрю компания перешла к регулярным поставкам нефти на экспорт в объеме около 15 тыс. баррелей в сутки. В ходе дальнейшего развития объекта вице-председатель правления В. Яковлев сообщил, что в 2018 году добыча должна достигнуть 85–90 тыс. баррелей в сутки. В тот период было объявлено о пересмотре стратегии разработки, в результате которого прежний ориентир в 115 тыс. баррелей был заменен уровнем 110 тыс. [9].

Освоение второй очереди Западной Курны стало частью долгосрочного сотрудничества, начатого после победы консорциума «Лукойла» и Statoil в тендере, проведенном в декабре 2009 года. К марту 2014 года объект перешел в фазу промышленной добычи, а заключенное ранее соглашение установило целевую производственную отметку 1,2 млн баррелей в сутки. Документ был рассчитан на двадцатипятилетний срок действия, предусматривая почти двадцатилетний период добычи. Уже в 2015 году мощность объекта достигла 400 тыс. баррелей в сутки, что соответствует приблизительно 20 млн тонн ежегодно. К концу 2016 года инвестиции «Лукойла» составили около 7,53 млрд долларов, при том, что накопленная прибыль оценивалась в 7,27 млрд. Тем не менее, в дальнейшем основные параметры проекта подверглись корректировке. Решение сентября 2017 года установило новый целевой уровень производства в пределах 800 тыс. баррелей в сутки, то есть около 40 млн тонн в год. И все же участие в разработке рассматривается компанией в качестве стратегически оправданного направления, о чем говорил и президент «Лукойла» В. Алекперов, указывая на долгосрочные перспективы интеграции в ресурсную систему Ирака [9].

Благоприятная среда для работы российских компаний в Ираке связана прежде всего с масштабной сырьевой базой страны и низкой себестоимостью добычи нефти на местных месторождениях. В имеющихся условиях иракские государственные структуры выстраивают контакты с зарубежными партнерами через многопрофильные проекты, в рамках которых часто присутствуют участники из ряда азиатских государств.

Тем не менее практика показывает, что положительные результаты наблюдаются далеко не у всех российских операторов. Характерным примером остается неудача «Роснефти» в попытке закрепиться на местном рынке. Причины связаны

с недостаточной подготовкой и недооценкой рисков, присущих иракскому нефтегазовому сектору. Отраслевая среда в стране остро реагирует на политические изменения, а колебания внутренней ситуации вынуждают участников ориентироваться на профессиональные аналитические оценки и планирование долгосрочного характера [8. С. 34].

Сближение позиций России и Ирака в нефтяной сфере за последние годы происходило в рамках работы механизма ОПЕК+. К концу 2018 года он стал основным инструментом, через который согласовывались планы по производству нефти и корректировались параметры добычи. Ирак закрепил за собой место второго производителя в альянсе, а Россия сохранила статус одного из главных участников расширенного формата. В условиях санкций и роста политической напряженности на нефтяном рынке обсуждение квот воспринималось в качестве способа предотвращения резких скачков цен. Энергетическая сфера стала наиболее развитым направлением российско-иракских экономических контактов [3. С. 18].

Практическая сторона сотрудничества наиболее заметна в проектах «Лукойла». В 2023 году компания подписала новое соглашение по Западной Курне-2. Документ включал дальнейшее освоение ямамской толщи, развитие объектов подготовки нефти и газа, строительство новых сооружений для водозабора и транспортировки продукции. Согласно данным компании, ввод в эксплуатацию кустовых площадок № 4 и № 9 летом 2023 года дал возможность достичь уровня добычи 480 тыс. баррелей в сутки. Отраслевые материалы 2025 года, подготовленные с учетом итогов 2023 года, подтверждают выполнение запланированных параметров без пересмотра модели действующего контракта. В исследованиях 2024 года Западная Курна-2 рассматривается в качестве проекта, укрепившего присутствие российской компании в Ираке и подготовившего основу для дальнейшего развития экономических контактов [7].

Отдельное направление связано с освоением месторождения Эридо на Блоке 10. После завершения длительных геологоразведочных работ в марте 2023 года «Лукойл» совместно с INPEX South Iraq получил разрешение от государственной компании Thi-Qar Oil на коммерческое освоение запасов и предварительный план разработки. В рамках проекта предусмотрен выход на уровень добычи 250 тыс. баррелей в сутки, а начальный этап фиксировался на отметке 30 тыс. баррелей, которую иракская сторона планировала достигнуть к 2025 году. Вокруг Эридо формируется новая инфраструктурная зона южных провинций, что расширяет потенциал регионального развития. Для «Лукойла» проект открывает возможность расширить работу в Ираке за пределами Западной Курны-2 [8. С. 3].

Отдельного внимания заслуживает опыт «Газпром нефти» на месторождении Бадра в провинции Васит. К началу 2020-х годов объект вышел из капиталоемкого этапа и перешел к регулярной добыче, рассчитанной на длительный срок. Существенный вклад в формирование стабильного производственного режима внес газоперерабатывающий комплекс, построенный в 2017 году и рассчитанный примерно на 1,6 млрд кубометров в год. Он обеспечивал подготовку сухого

газа и снабжение топливом электростанции «Аз-Зубайдия», что помогло перейти к практически полной утилизации попутного газа и создать технические условия для долгосрочного функционирования объекта. Позднее, в 2021 году, российская компания совместно с иракскими ведомствами согласовала обновленные параметры разработки, среди которых находились перераспределение рисков и уточнение финансовых условий [4. С. 50].

Существенное воздействие на положение проектов в Ираке оказали процессы, происходившие за пределами страны. Весной 2023 года решение Парижского арбитража привело к остановке работы нефтепровода Киркук – Джейхан, что разорвало цепочку поставок сырья из Иракского Курдистана и северных районов. Возникшая пауза болезненно отразилась на экономике региона и затронула интересы зарубежных компаний. Ф. Абдулкарим указывал, что прекращение транзита вынудило Ирак, Курдистан и Турцию искать новые варианты для сотрудничества. Для российско-иракских проектов последствия выразились в усилении зависимости курдских месторождений от федеральной инфраструктуры и закреплении экспортных маршрутов через единого оператора, а именно государственную компанию SOMO. В течение 2024 года велись попытки восстановить потоки на федеральной основе, но согласованной схемы к завершению года так и не сформировали [1].

Несмотря на внешнюю нестабильность, нефтегазовые отношения России и Ирака сохранились. С.А. Панкратов и С.А. Алькибари отмечают, что долгосрочную основу формировала общая ориентация на рациональное управление запасами углеводородов в среднесрочной перспективе. В данный подход вписывались усилия двух стран по модернизации переработки, снижению факельного сжигания попутного газа, поддержке генерации и подготовке квалифицированных специалистов. Совместная работа в рамках механизма ОПЕК+ укрепляла сотрудничество. Стороны продлевали соглашения о добровольных ограничениях добычи и согласовывали дальнейшие параметры сокращений [8. С. 36].

Развитие проектов российских компаний в Ираке в конце 2010-х годов все чаще сопровождалось расширением направлений деятельности, выходящих за пределы добывающего сектора. К 2018 году формировалась модель, в которой техническое обслуживание инфраструктуры, обучение местных специалистов и участие в социальных инициативах становились неотъемлемой частью работы «Лукойла» и «Газпром нефти». Все это укрепляло стабильность проектов в условиях сохранявшихся проблем безопасности и санкционного давления. Корпоративная деятельность приобретала черты практической реализации государственной политики, поскольку работа российских компаний становилась частью внешней политики страны.

В 2021 году власти Ирака впервые заявили о планах возведения восьми энергоблоков, а весной 2024 года премьер-министр Мухаммед провел переговоры с генеральным директором МАГАТЭ Рафаэлем Гросси, сосредоточившись на подготовке дорожной карты для будущей ядерной программы. В том же году иракская делегация на заседании подготовительного комитета к Обзорной

конференции ДНЯО обратилась к агентству с просьбой оказать поддержку в области мирного использования атомной энергии.

Необходимость создания ядерных мощностей объясняется структурными особенностями внутреннего энергобаланса. Добыча нефти сохраняет высокий уровень, но электроэнергетики хронически не хватает. Общий объем генерации, составляющий примерно 81 тыс. ГВт/ч в год, не удовлетворяет спроса населения и промышленности. Перебои в подаче электричества происходят регулярно, провоцируя массовые протесты. По объему выработки страна занимает третье место на Ближнем Востоке, уступая Ирану и ОАЭ, оставаясь при всем этом крупнейшим арабским импортером электроэнергии. В данных условиях поиск долгосрочного решения, направленного на обеспечение энергетической независимости, становится неизбежным [2. С. 13].

Помимо структурных дефицитов, серьезные ограничения создают природные и политические факторы. Многолетние засухи практически исключили возможность расширения гидроэнергетики, а вооруженные группировки, не подчиняющиеся центральным властям, создают риски для инфраструктуры, включая объекты в Багдаде. В данных условиях начало строительства атомной станции выглядит трудно реализуемым, поскольку любые масштабные проекты требуют высокого уровня внутренней безопасности и защищенности объектов. Несмотря на указанные трудности, подготовительный этап может развиваться уже сегодня. Создание нормативной базы, формирование системы подготовки кадров и расширение сотрудничества с зарубежными партнерами способны заложить фундамент для будущего перехода к строительству АЭС. Для России это открывает возможности углубления энергетических связей с Ираком и участия в формировании его будущей атомной отрасли, которая способна стать одним из главных направлений двустороннего энергетического сотрудничества.

В заключении хотелось бы отметить, что российско-иракское сотрудничество в энергетической сфере складывалось через участие российских компаний в разработке месторождений, создании инфраструктуры и подготовке кадров, что сформировало основу их присутствия в южных районах страны. Работы на Бадре и Западной Курне-2 дали возможность выстроить длительные производственные процессы, включавшие внедрение новых технологий, развитие объектов переработки и организацию поставок топлива для генерации. Параллельно согласование параметров добычи в формате ОПЕК+ помогало двум странам адаптироваться к внешнему давлению и удерживать предсказуемость поставок на мировые рынки. Проекты по развитию переработки попутного газа, освоению новых участков и созданию сервисной базы усилили техническую оснащенность отрасли и расширили участие российских компаний в региональных инициативах. Интерес Ирака к атомной энергетике, подкрепленный политическими решениями 2021-2024 годов, связан с постоянным дефицитом электроэнергии и ростом внутреннего потребления и ограниченными возможностями гидрогенерации, что делает формирование нормативной базы и подготовку специалистов важным этапом будущих проектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абдулкарим А.** Расторжение соглашения о нефтепроводе Киркук-Джейхан: последствия для Ирака и Турции / Российский совет по международным делам (РСМД) // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/rastorzhenie-soglasheniya-o-nefteprovode-kirkuk-dzheykhan-posledstviya-dlya-iraka-i-turtsii/>
2. **Аров С.** Перспективы сотрудничества России с государствами Персидского залива в области мирного использования атомной энергии / тех. ред. Е.Г. Чобанян. М.: ПИР-Пресс, 2024.
3. **Бойко А.Н.** Роль соглашения ОПЕК+ в стабилизации мирового рынка нефти в 2020-2022 гг. // Вестник ДонНУ. Серия В: Экономика и право. 2024. № 1.
4. **Григорьева О.Г., Часовской А.В.** Реализация российскими корпорациями государственной политики и национальных интересов в сфере сотрудничества с Республикой Ирак // Право и управление. XXI век. 2023. Т. 19. № 1 (66).
5. **Кузнецов А.** Состояние нефтегазового сектора Ирака и российско-иракское сотрудничество в энергетической сфере // Геоэкономика энергетики. 2018. № 4.
6. **Ласкарис Ф.И.** Ирак: о перспективе наращивания экспорта нефти в рамках пересмотра ОПЕК текущих квот / Институт Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/?p=47490>.
7. ЛУКОЙЛ подписал дополнительное соглашение по развитию проекта «Западная Курна-2» в Ираке / ПАО «ЛУКОЙЛ» // https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/lukoil-podpisa-dopolnitelnoe-soglashenie-po_2.
8. **Панкратов С.А., Альрикаби С.А.** Сотрудничество Российской Федерации и Республики Ирак в контексте глобальной энергетической повестки дня: политологический анализ // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 8.
9. **Родина И.** Интересы российских нефтяных компаний в Ираке / Российский совет по международным делам (РСМД) // <https://russiancouncil.ru/blogs/innarodina/interes-rossiyskikh-neftyanykh-kompaniy-v-irake/>.
10. OPEC Annual Statistical Bulletin 2025 / OPEC. Vienna: Organization of the Petroleum Exporting Countries, 2025 // <https://www.opec.org/assets/assetdb/asb-2025.pdf>.

AL-KHAFAJI HAMZA HUSNI MUHAMMAD ALI

PhD student of the 2nd year,
Kazan Federal University,
Kazan, Russia

RUSSIAN-IRAQI ENERGY COOPERATION

The article analyzes the factors determining the development of energy relations between Russia and Iraq in the context of changing political and economic conditions. The relevance of the topic is related to the fact that Iraq's energy sector is undergoing a period of modernization, in which Russian companies are directly involved. The aim of the work was to identify the specifics of cooperation in the oil and gas industry and assess its prospects, taking into account Iraq's internal constraints and external risks affecting the operation of extractive projects. The objectives of the study included studying the practices of Russian companies at the Badra and West Qurna-2 fields, analyzing the mechanisms for coordinating production parameters through the OPEC+ format, and reviewing Iraq's steps to prepare for the creation of nuclear energy. The methods included a comparison of production indicators, an assessment of infrastructure solutions, and an analysis of official statements and practical steps by the parties. The results show that Russian participation is based on a combination of production, technical and organizational elements that strengthen cooperation and ensure the achievement of planned production volumes. It has been revealed that Iraq's interest in nuclear energy is being shaped by an internal shortage of electricity, and the preparatory stage opens up opportunities for further joint projects. It is concluded that cooperation is developing in several directions, including mining, refining, infrastructural development and the preparation of a regulatory framework for new forms of energy cooperation, which creates the basis for long-term initiatives.

Key words: Russia, Iraq, oil and gas sector, Badra, West Qurna-2, OPEC+, energy infrastructure, associated gas, nuclear power plants, export supplies.